Бертман Дм.

21.07.04

Вечер. Москва – 2004 – 21 июля – с. 6

Дмитрий Бертман: Исполним оргию ДОБРОТНО!

Бертман всегда в цейтноте. Поймать его трудно – за границей нарасхват! Об этом известно всем музыковедам и критикам. Тем более заманчиво рассказать читателям, чем и как живет знаменитый главреж «Геликона».
Я не театральный журналист и Бертман мне интересен даже не как человек-режиссер, а скорее как человек-театр, в котором он сам себе – главреж.

ФОТО ЛЮДМИЛЫ СТОЛЯРЕНКО

ДВА ВЕЧЕРА С ОПЕРНЫМ РЕЖИССЕРОМ

Сорок сообщений за сутки

Мы не видимся неделями, а то и месяцами. Он «закручивается», «растворяется» в невозможно-сумасшедшем графике своих режиссерских забот. Но потом, вдруг, раздается звонок и его голос – будто вчера расстались – сообщает: «Слушай анекдот».

На вопрос: «Ты откуда?» отвечает: «Из Франции». Или из Ливана. Или из Канады. Его обязательно кто-то отвлечет на том конце провода, он бросит: «Сейчас перезвоню!»

И вновь исчезнет.

...Договориться о встрече или интервью с ним можно. Но строить иллюзии, что все так и будет – глупо. Опоздает! В лучшем случае на час. И когда ты уже готова, как пароварка, «сбросить крышку», он вплывет в двери «элегантным роялем», отшутится, расскажет невероятную историю, подсунет конфетку – этих режиссерских штучек-мизансцен у него как рассказов у Чапека в карманах. Пар растворится в пространстве его обаятельного лицедейства.

Мой первоначальный замысел провести с ним ровно один день был обречен на провал. Слишком много дверей, куда приходится заходить главрежу, но куда мне вход заказан.

Зато случились у нас с ним два совместных вечера подряд: так сказать, с предвечерья – то ли до поздней-препоздней ночи, то ли до раннего утра...

Правда, сначала я приехала к Бертману домой, как условились, утром, и застала живописную картину: несколько человек толпились у его двери, но никак не могли дозвониться хозяину. Потом, наконец, дверь открылась: сонный Бертман в желтых трениках и маечке с золотыми буквами «Canada» удивленно рассматривал стоящих у двери, будто они нагло явились в полосатых купальниках к нему на бал.

Оказалось, ребята-фирмачи, согласно договоренности, пришли чинить Интернет – «головную боль» Бертмана. Он, вернувшись в четыре утра с репетиции, заснул богатырским сном и все забыл. Про «головную боль» мне станет ясно потом, когда он часа в два ночи включит в кабинете свой компьютер и уже на сонном глазу скажет: «За сутки сорок сообщений. Ну, когда мне отвечать?»

Главреж и его «дети»

Еще совсем недавно Дмитрия Бертмана называли самым юным оперным режиссером в стране. В свои нынешние тридцать шесть он заматерел и уже – почти академик: заведует кафедрой актерского мастерства и режиссуры факультета музыкального театра РАТИ, то есть его родного ГИТИСа. У него своя группа студентов, которых он называет «мои дети» и третий год, пусть урывками, но учит уму-разуму. Вот я и поехала прямиком в РАТИ. На предэкзаменационную репетицию.

...Репетиция назначена на 19.00. На часах – 20.15. Сидим, ждем-с. У студентов терпение – железное, они его обожают и все прощают. Понимают: занят.

Вот и Матвей Абрамович Ошеровский, у которого когда-то учился Бертман, пришел. Мрачный. Только что кончилось бурное заседание кафедры, где обсуждали экзамен курса Александра Тителя. Видно, что спорили. Их диалог продолжается и похож на беседу тургеневских старосветских помещиков:

– Дмитрий Саныч, вы меня убиваете, – театрально говорит Матвей Абрамович.

– Что вы такое говорите, Матвей Абрамыч, как можно? – отвечает Дмитрий Саныч.

Внешне – абсолютно всерьез. На самом деле – театр. Несмотря на разницу в сорок лет – ровесники. По искусству.

...Бертман переключается:

– Почему так долго возимся? Начали!

Студенты поставили отрывок из «Мнимой садовницы» Моцарта, где все женщины хитрые и коварные, а мужики – шуты и растяпы.

Вдруг разражается возмущением:

– Опять клумбой никто не занимался! Клумба должна быть сти-и-и-льная! А это что? Сор-ня-ки!

Студенты поправляют искусственные цветочки и клянутся, что завтра на экзамене все будет жуть как стильно.

– Настя, где очки? Не надела? Да ты в них сейчас даже дома спать должна!

– «Гулю» на голове сделали? Титечки?

Девчонки-студентки смеются, усталости как не бывало.

«Женское се-е-е-рдце – что темна-а-а-я ночь...» Садовница – Майя Барковская – копается в клумбе, но не может найти спрятанные по сюжету деньги. А музыка бежит дальше.

«Сто-о-о-п!» – кричит Бертман. И выдает урок: «Артист должен быть готов к гадости в любую секунду!» И тут же приводит пример: «На арии у одной певицы аккомпаниатор убежала на терцию вверх. Пришлось петь. Потом солистка с восторгом хвалилась всем: «Никогда не думала, что могу взять до диез!» Запомните: все на пользу!

Дальше фрагмент из комической оперы Шостаковича «Большая молния». Произведение композитором не закончено. Бертман ввел в него щемящие «Еврейские песни». Тема грустная: тридцатые годы, голод, комиссары, забирающие в тюрьмы кормильцев и забирающиеся в постели вдов и их дочерей. Ребята, которым всего-то по двадцать лет, играют и поют так, что мурашки по коже бегают.

Объявил перерыв. Сел. Вздохнул: «Бросил курить».

...«Дети», надо сказать, устали: вся неделя – репетиции до трех утра. Вот и сейчас – уже далеко за полночь.

Он дает им отдохнуть и потчует байками из своей «кипучей молодости»: «Сейчас все педагоги ГИТИСа рассказывают про меня: «Ах, какой был студент – пяте-е-рочник!»

Грозно: «Какой пятерочник?!! Я был самым молодым студентом – 16 лет! – и меня назначили старостой. Все были старше на 10–12 лет и казались мне взрослыми дядями. Зато какие были университеты! Чему меня только не научили!»

Довольно: «У Карины Левоновны Мелик-Пашаевой любимчиком был. Обожал писать нотные диктанты! Себе и всей группе».

Да это всем известно: у Бертмана в ГИТИСе было два «почетных звания»: «пионер» и «ходячая энциклопедия». Про оперу «пионер» знал все. Вдруг:

– А вам известно, что в этом здании в коммуналках жили деятели искусства? В 30-е годы их всех расстреляли. Тут все в крови. Мы начинали учиться еще до ремонта. Клали доски прямо на унитазы и сидели на них на занятиях. От оборванных обоев на стенах, напоминавших про расстрелянных хозяев, было жутковато.

Потом спохватится – время полвторого ночи:

– Репетируем дальше!

Выходит чтец, становится в пафосную позу, засовывает руку в брюки и читает Маяковского:

– «Я вынимаю из широких штанин...»

Вдруг, зардевшись краской: «Ой, достаю-ю-ю!!! Не вынимаю...» Бертман, «дети» и я корчимся от смеха. Да тут не такое спутаешь – в два-то ночи!

Он их учит: «Или работаем на пределе – и тогда, пожалте, петь в «Ла Скала» и «Метрополитен-опера», или делаем все строго по расписанию – тогда дорога прямиком в Урюпинский оперный театр».

Существо чувствительное

...Репетиция закончится почти в три ночи. Он, как обычно, посадит «детей» на такси. Сам сядет за руль, как-то размякнет и наконец скажет: «Смертельно устал».

...А назавтра у его студентов будет экзамен. Они сыграют так, что зрители обкричатся «Браво!».

На заседании кафедры, где обсуждается экзамен, Бертман, даром что заведующий, – будет подтянут и напряжен: одно дело восторженные отзывы зрителей, другое – мнение коллег-профессионалов. К тому же «кафедралы» – известные «мастодонты» музыкального театра: народный артист СССР Георгий Павлович Ансимов, народные артисты России Матвей Абрамович Ошеровский и Юрий Александрович Петров, профессора Розетта Яковлевна Немчинская, Александр Александрович Бармак...

Бертман: «Я всем своим студентам так и говорю: будете плохо работать – режиссерами станете!»

Конечно, они его хвалят. Восхищаются. Ему это нравится. Он вообще существо чувствительное.

Потом на кафедральном столике появятся рюмочки и тортик – после экзамена святое! Тут он раскрывает свои «закулисы». Оказывается, студенты проявили инициативу: для «Большой молнии» на экзамен принесли буханку хлеба и положили на стол. Как символ бедности. Постарались «улучшить» реквизит.

А Бертман после спектакля разразится гневом: «Какой хлеб!!! В голод!!! Весь смысл истории убили!!!» И он прав: ведь зачем тогда дочка хозяйки за банку тушенки для голодного ребенка отдается комиссару? «Нью дженерейшн», – вздыхает Бертман, – не знает, что такое голод». Но загадка: он-то как эти вещи чувствует? Ведь тоже не голодал.

«Хочу серьгу в ухо»!

...А на следующий день я приехала к Бертману в «Геликон».

Труппа репетировала моцартовскую оперу «Милосердие Тита» несколько дней без Бертмана, «увязшего» в экзаменах родного ГИТИСа. Актеры, заполучив, наконец, главрежа, излучают радость. Чувствуется – кураж есть. А еще вчера завтруппой Илья Ильин, говорил, что все жутко устали от репетиций.

Эх, я бы всех критиков сгоняла бы на эти бертмановские репетиции, чтобы посмотрели, как рождается опера. Вот и сейчас – началось.

...Главреж влетает в зал – стремительно, как парусник на ветру.

Солистке, звезде «Геликона», улыбаясь:

– Про все твои романы знаю!

– У меня нет романов!

– Все знаю! Но с этим...(благословляющий жест «а-ля Людовик XXIV») – можно.

Увидел сына геликоновских артистов Ларисы и Сергея Костюк – тринадцатилетнего Сережу, который и вырос-то здесь, за кулисами. Нынче он в спектакле – Анний, точней – «альтер-эго» Анния, древнеримского героя. Сережа стильно подстрижен полосками, а в левом ухе – серьга. Объяснил главрежу: «Чтобы девчонок заманивать». Бертман тут же на весь зал: «Хочу такую же прическу! И серьгу в ухо». Все хохочут.

Отлично! Настроение у всех игривое. А значит – рабочее. Бертман знает, что делает. У него всегда так: трагические сцены ставятся весело. Признался как-то: берегу артистов от запредельных эмоций. Но – удивительно! – публика потом по-настоящему плачет на спектаклях.

...Времени в обрез: уже 16.15. В 19.00 его ждут в РАТИ на очередном экзамене. Смотрит на часы. Энергично встает:

– Начали! Быстро! Без увертюры!

Нож у Секстуса пока скорее десертный, хотя события готовятся кровавые – убийство императора Тита.

Возмущенно:

– Дима-а-а!!! Почему с выходом опоздал?!!

Остыл. После паузы:

– Будешь плохо работать – режиссером станешь.

В зале смеются. Бертман своей шуткой доволен, улыбается, как ясный месяц, и повторяет: «Я всем своим студентам так и говорю: будете плохо работать, режиссерами станете!»

Ясно – эпатажничает. Знает, хитрец: режиссура – удел избранных.

Черные огромные флаги закрывают всю малюсенькую геликоновскую сцену. Тесно. Правда, спектакль повезут на Мадридский фестиваль, и сыгран он будет в просторном, настоящем древнеримском театре «Teatro Romano» под открытым небом – на каменной многовековой сцене Мериды, без декораций. Для пяти тысяч зрителей. Это вам не каких-то три сотни геликоновских мест!

Бертман тут же находит выход из тесноты:

– Перевернули знамена, накинули полотнища на одно плечо!

Господи – ну, чудеса! Вот уж поистине театр: из этого превращения, по сути, из ниоткуда, вдруг взяла и явилась зрителю стража в черных траурных туниках и с пиками наперевес.

И совсем уже хулиганя: «Помахивайте знаменами!» И в сторону, нам, улыбаясь: «Публика просто балдеет от этих глупых режиссерских выдумок».

Вдруг выскакивает на сцену, берет за руку солистку Таню Куинджи, показывает ей мизансцену, выводя самолично сопрановую колоратуру офигительных высот: «А-а-а-а-о-о-о-о!!!» Получается невероятно смешно. В креслах трясутся от смеха «запасные» актеры – полегли все, кто сидел.

Финал. Маленькая пауза. Сел. Вздохнул: «Ой, вещи еще не собраны-ы-ы...» Я знаю: завтра рано-рано утром у него самолет курсом на Вену.

Вскакивает:

– Финал! Тут будет оргия в бассейне. Что за Древний Рим без оргии? Начали оргию!

Все, кто в зале, смеются и развивают тему репликами. Тогда он добавляет: «Этот спектакль будет транслироваться на всю Европу. Весь мир увидит! Придется исполнять оргию добро-о-отно!» Предлагает включить в нее шесть античных скульптур, установленных на сцене «Teatro Romano». Народ хохочет.

«Оргия» удалась с первого раза. Репетиция закончена. На часах – 19.30.

Заливается оперной трелью мобильник – он отвечает. Выслушает сразу трех артистов, что-то впечатывает в суперсовременный мини-компьютер. Его окружили и «рвут» на части. А в ГИТИСе уже начался экзамен...

...2 часа 40 минут. Выходим из кафешки, куда заскочили перекинуться хотя бы парой слов. «Знаешь, в чем главная проблема?» – вдруг серьезно спрашивает он.

Я ожидаю очень важное сообщение. А он говорит: «Людей в мире слишком много». И его заявление имеет вовсе не демографический смысл, а человеческий. Он слишком ценит всех, с кем сводит жизнь. Но если поделить количество людей, у которых есть к нему неотложное дело, на 24 часа, то бертмановская «пропускная способность» получается запредельной.

Мы снова не увидимся сто лет.

Завтра он улетит в Вену, потом в Швейцарию. За два месяца поставит в Испании «Норму», а во Франции – грандиозную «Набукко». И потом тоже – ищи его свищи: уже расписаны на полгода вперед Израиль, Голландия, Швеция, его любимая Канада... Но однажды вдруг раздастся телефонный звонок и из каких-нибудь музыкально продвинутых Европ я услышу – будто вчера расстались – знакомый голос: «Слушай анекдот».

...А в эти июльские дни в камерном зальчике «Геликона» еще будут звучать симпатичные одноактные оперы-кантаты Баха и мини-комедия Перголези. Но я, проезжая по Большой Никитской, вряд ли загляну в театр. Потому что, когда Бертмана нет в Москве, мне недостает в «Геликоне» нерва.

Да что там – мне недостает его самого.

Людмила СТОЛЯРЕНКО